

## ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

научного сотрудника Института философии Российской академии наук,  
кандидата философских наук Софьи Владиславовны Пирожковой

на диссертацию Дарьи Андреевны Шелудченко

«Философско-методологические основания исследования предвидения в информационном обществе», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания

Диссертация Дарьи Андреевны Шелудченко «Философско-методологические основания исследования предвидения в информационном обществе» посвящена проблеме философского и специально научного исследования предвидения, а также самому этому феномену и его содержанию в рамках специфического типа общества, получившего название «информационного». Актуальность такой постановки вопроса несомненна, поскольку эпистемические феномены меняются с появлением новых технических возможностей и общей трансформацией жизненной среды человека. Более того, сама востребованность исследования предвидения обусловлена этой трансформацией – именно последняя делает предвидение как никогда проблематичным и как никогда необходимым. Цель Д.А. Шелудченко заключается в том, чтобы прояснить основания – философско-концептуальные и методологические, позволяющие осмыслить и нормировать предвидение как вид познавательной деятельности. Таким образом, молодая исследовательница ставит перед собой весьма амбициозную задачу, реализуя которую добивается существенных для теории познания результатов.

В первом разделе диссертации проведен анализ развития представлений о предвидении в истории философии во взаимосвязи со сменяющимися друг друга концепциями времени. Диссертант показывает, как в зависимости от интерпретации характера связи упорядоченных во времени событий формируются предпосылки, а затем и сами концепции детерминизма и индетерминизма. Хорошо показано столкновение фаталистических и нефаталистических позиций в античности, обосновано то, что в эпоху средневековья не только в отношении Бога, но и человека следует говорить не о концепции предвидения, а о концепции провидения – предузнавания будущего благодаря божественной помощи. За пределами рассмотрения остаются вопросы соотношения предвидения и провидения, а также характера божественного провидения, освещение которых необходимо для целостного представления идей эпохи средневековья о предвидении, но в рамках данного диссертационного исследования этот недостаток не является критическим.

Нововременные идеи о времени и предвидении систематизированы диссертантом путем обращения к идеям отдельных философов. Вместе с тем диссертант дает и концептуальный анализ, осуществляя рациональную реконструкцию эволюции представлений о времени от субстанционализма к трансцендентализму и представлений о предвидении от детерминизма к конструктивистскому его пониманию. Это делает первый параграф не столько историко-философским, сколько проблемным и весьма содержательно интересным. Можно лишь высказать пожелание, чтобы эта часть исследования была продолжена и анализ углублен.

Во втором разделе, посвященном определению понятия «предвидение», проведен подробный анализ различных его дефиниций и дефиниций близких терминов – «предсказание» и «прогноз», демонстрирующий хорошее владение диссертантом проблематикой. На основании этого анализа дано определение: «Предвидение является такой познавательной деятельностью в отношении предвосхищения будущего опыта, в процессе которого происходит совмещение использования процедур логического рассуждения и неосознаваемых мыслительных операций» (с. 49). Тем самым Д.А. Шелудченко определяет предвидение в качестве особенного вида предвосхищения будущего, не сводящегося к прогнозу и предсказанию.

В третьем разделе диссертант пытается ответить на вопрос о том, как меняются представления о предвидении в связи со значительными трансформациями картины мира и эпистемологической парадигмы в XX в. Диссертант хорошо выстраивает логику рассмотрения от синергетической парадигмы к конструктивистской позиции в целом, а затем радикальному конструктивизму и социальному конструкционизму, демонстрируя как будущее из открытого человеческим действиям постепенно превращается в конструкт, существующий лишь в качестве коллективного образа, а предвидение начинает полагаться коллективной, социально нагруженной деятельностью по созданию такого образа.

Д.А. Шелудченко хорошо показана и обоснована неправомерность радикально конструктивистского и социально конструкционистского понимания предвидения и познания в целом, не учитывающего тот факт, который настойчиво подчеркивается сторонниками синергетики: реальность интерпретируется в познании, но она же противится целому ряду интерпретаций. Следовательно, здесь нет никакого волюнтаризма.

Вместе с тем диссертант демонстрирует понимание невозможности в рамках эволюционно-синергетической парадигмы опираться на наивный эпистемологический реализм в отношении будущего. В качестве приемлемой опоры она убедительно

обосновывает позицию конструктивного реализма, подкрепленную принципами деятельностного и энактивистского подходов (по сути речь идет именно о них, хотя автор их явно не обозначает). На этом основании она получает вывод, что «применяя данную идею (идею активного извлечения из реальности той информации, которая значима для субъекта познания, соответствует интересам и возможностям его деятельности. – С.П.) к исследованию предвидения, можно сказать, что в процессе данной деятельности будущее соотносится с нашими сегодняшними потребностями», последние она определяет как «связующее звено между прошлым и будущим» (с. 66). Д.А. Шелудченко фактически независимо приходит к выводу, что предвидение представляет собой конструирование будущего и в том смысле, в каком конструированием оказывается познание в целом, т.е. в смысле организации информации с помощью «когнитивных схем, формируемых вследствие взаимодействия со средой» (с. 70), и в том смысле, что в силу онтологической специфики будущего, зафиксированной в синергетике, результат предвидения – это знание как «набросок будущей действительности, но не ее слепок» (там же).

Во второй главе диссертант, опираясь на проработанную ею концептуальную базу, анализирует, с одной стороны, особенности и проблемные аспекты исследований будущего как они реализуются в условиях информационного общества, а с другой – предвидение как концепт, способный задать методологические нормативы для этих многочисленных и разнообразных исследований. Многообразие – понятие, которое связывает эти два проблемных поля. Во-первых, многообразно само осмысление предвидения как феномена, которое сегодня выстраивается не только силами философии, но и конкретных наук. Для фиксации этой ситуации Д.А. Шелудченко использует понятие «эпистемологического дискурса», в котором встречаются различные дисциплинарные исследования и вырабатывается общее понимание. То же самое происходит и в рамках исследований будущего, особенно в такой их форме, как форсайт, который интегрирует различные подходы к будущему и различных субъектов, реализующих эти подходы в своей деятельности.

Д.А. Шелудченко грамотно использует концепции дискурса и междисциплинарности и дает самостоятельный и интересный анализ различных форм прогностической деятельности – прогнозирования, футурологии и форсайта. Диссертант также обоснованно выделяет две фундаментальные проблемы современных практик предвосхищения будущего: 1) воздействие прогнозов, предсказаний и вообще любой информации, полученной в ходе прогностической деятельности, на будущее и 2) затормаживание антиципаторной функции. Наименее исследован с философских

позиций именно второй вопрос, но, к сожалению, в диссертации он получает лишь беглое рассмотрение.

В целом нужно сказать, что работа представляет собой обстоятельный анализ одной из самых непростых комплексных философских проблем, которая, с одной стороны, не имеет богатой истории исследования, а с другой – значительно усложняется в условиях современной познавательной и социокультурной ситуации. Задача потребовала от автора умения производить не только обобщения, но и реконструировать проблематику, разрозненно представленную в различных работах, анализировать философские дискуссии и современную, порой довольно специфическую прогностическую практику и обоснование этой практики ее теоретиками, формулировать собственную позицию. Безусловным достоинством работы является панорамность рассмотрения проблемы: повторим, диссертантом проанализированы различные подходы к пониманию времени и сущности предвидения (глава 1, первый раздел), эволюция понятия «предвидение» как теоретико-познавательного понятия (глава 1, второй раздел), онтологические и теоретико-познавательные дискуссии, вызванные развитием научного знания и общенаучной картины мира в последнее столетие (глава 1, третий раздел), особенности современного подхода к эпистемической проблематике и их конкретизация на примере предвидения (глава 2, первый раздел), потенциал предложенной концепции предвидения как методологического ядра разнообразных исследований будущего (глава 2, второй раздел). Нельзя также не отметить, что диссертант знаком с важнейшими работами, определяющими область его специализации, способен к грамотному сравнительному анализу. Д.А. Шелудченко провела, таким образом, большую работу по систематизации различных аспектов проблемы предвидения, что является важным достижением. Вместе с тем достижением, пусть, возможно, и нежелательным, является экспликация противоречивости некоторых подходов к концептуализации предвидения, которая становится возможной именно благодаря попытке их систематизировать. Поэтому далее нужно высказать замечания, часть которых отражает не столько недостатки диссертационного исследования, сколько его важность как определенного этапа в философско-методологическом исследовании предвидения.

1. При сравнении прогнозирования и планирования диссертант обращается к терминологической традиции, согласно которой оба эти вида деятельности относятся к предвидению. В рамках конструктивного реализма, используемого диссертантом для анализа проблемы знания о будущем, снимается присущее этой классификации противоречие, которое заключается в том, что хотя в ходе планирования и формируются представления о будущем, они носят не только репрезентативный характер. Последнее не

согласуется с пониманием предвидения как познавательной деятельности, т.е. репрезентирующей объективное состояние дел. Поэтому диссертант дает теоретико-познавательное обоснование той классификации, которой пользуются многие прогнозисты, прогностики, футурологи и др. Однако здесь возникает существенная проблема, связанная с тем, что конструктивность познавательной деятельности и интерпретационный и предположительный характер ее результатов не есть то же самое, что конструктивно-проективная деятельность. Признавая конструктивный характер познавательных процедур, мы не можем говорить о познании, как о конструировании. Существенная разница между ними – цели деятельности. Цель познания – понять, каков есть объект познания на самом деле, цель конструирования – создать нечто на основании имеющегося ресурса. В познании мир самоценен, в конструировании он предстает сырым материалом и только в качестве возможности иного становится значимым. Описанная дихотомия целей разделяет предсказание и прогнозирование, с одной стороны, и планирование и проектирование – с другой, а форсайт делает комплексной деятельностью. Диссертант в полной мере не учитывает этих различий, так же как различий между формами познания и «программами осмысления будущего» (с. 105). Эти различия могут быть нивелированы, если указать на несуществование будущего, но тогда окажется неверным вывод диссертанта о том, что предвидение и проектирование – различные виды деятельности. Таким образом, пытаясь обосновать широкое понятие предвидения, включающее и прогнозную и плановую деятельность, Д.А. Шелудченко выявляет его противоречивость, что во многом происходит благодаря применению к данной проблематике дискуссий эпистемологических реалистов и конструктивистов.

2. При рассмотрении возможности определения предвидения как относящегося к неизвестным, а не только будущим событиям (раздел 1.2) отсутствует разведение неизвестного и эмпирически не данного, недостаточно прояснена роль предвидения в получении знания, о чем следует хотя бы сказать в той части, где упоминается опережающий характер универсальных законов и концепция К. Поппера. В целом раздел носит преимущественно реферативный характер. Данное диссертантом определение понятия «предвидение» (с. 49) довольно расплывчато, недостаточно обосновано (остается непонятным, можно ли говорить о научном и ненаучном предвидении), оно, как и производимое разведение терминов «предвидение», «предсказание» и «прогноз», по сути повторяет уже существующие терминологические прояснения.

3. Остается не вполне ясным, зачем диссертант останавливается на широкой трактовке понятия предвидения – как предвосхищения будущего опыта, ведь проблема именно будущего опыта как эпистемологического явления не рассматривается.

Д. А. Шелудченко интересуется познание будущего, а не опережающая опыт познавательная стратегия, отличающая человека как субъекта познания. То есть в фокусе внимания – именно объективное будущее, хотя и ограниченное в пределах человеческих потребностей, интересов, возможностей деятельности, в том числе познавательной. Такой ракурс делает понятие «будущего опыта» и «будущего-для-человека» не теоретико-познавательной проекцией концепта «будущее», а конкретизирует онтологию будущего, выделяя в нем часть, в которую человек включен хотя бы потому, что может ее знать/предвосхищать. Идея частичного созидания, частичного познания будущего формирует смысл концепта «будущий опыт» как поля активной созидательной деятельности, а не возможного в будущем эмпирического исследования. На избыточность концепции предвидения как предвосхищения будущего опыта для решения поставленной диссертантом проблемы указывает то, что во второй главе предвидение определяется автором как совокупность «систематизированных определенным образом приемов и способов организации прогностической деятельности», т.е. деятельности по предвосхищению именно объективного будущего (с. 106).

4. Еще один пример терминологической нечеткости – полисемичность понятия «предвидения», которое выступает и как познавательная процедура (с. 92), и как познавательная деятельность (с. 49), и как методология (с. 92, 107 и др.), и как исследовательская стратегия познавательной деятельности в отношении будущего (с. 13). Эта полисемичность не оговаривается, что снижает общее положительное впечатление от терминологического анализа, предпринимаемого диссертантом.

5. Аргумент против радикального конструктивизма, приводимый Д.А. Шелудченко, согласно которому «отрицание реалистической традиции как бесполезной ... не представляется возможным как в силу постоянного соприкосновения с реальностью, так и в силу того, что наши познавательные схемы устроены таким образом, что представить гносеологию без онтологии мы не можем», амбивалентен и используется самими конструктивистами для обоснования своей позиции. То же касается и аргумента успешной применимости принципа объективной реальности. Здесь диссертант во многом повторяет распространенную ошибку, совершаемую многими философами-реалистами. Поэтому можно посоветовать автору продолжить в будущем работу в направлении анализа оппозиции радикального конструктивизма и реализма.

6. Отмечая ограниченность предвидения рамками прошлого опыта, диссертант указывает на ограниченность любых форм предвосхищения, поскольку, исходя из эволюционно-синергетической парадигмы, признает наличие у мира такого качества, как эмерджентность. Д.А. Шелудченко идет далее этого тезиса и уже в духе

коэволюционизма замечает, что «результаты предвидения, таким образом, оказываются связанными с прошлым опытом, но при этом полностью им не исчерпываются. Это связано с тем, что сам процесс интерпретирования, в рамках которого эти результаты достигаются, вносит изменения и в объект интерпретирования, в результате чего меняет нечто в самой реальности» (с. 68). Такой тезис правомерен в отношении объектов социогуманитарной реальности, но в отношении объектов природных он выглядит загадочно. Здесь не учитываются различные способы, какими знание может влиять на объект исследования, в зависимости от онтологических характеристик последнего. Образ в голове, будь он объективирован – перенесен в интересующую плоскость – или нет, может влиять на материальную систему только опосредованно через действия, информационная причинность связывает сознание и тело, но не сознание с иными материальными объектами. Но, объективированный образ способен уже влиять на другие сознания. Так, прогноз массовых забастовок может привести к массовым забастовкам, но прогноз заболачивания почвы сам по себе не приводит к ее заболачиванию – для этого нужна человеческая деятельность в качестве посредника. Ясно, что в информационном обществе предвидение сопровождается описанными эффектами, однако в тексте процитированное утверждение носит универсальный характер.

7. Концепт эпистемологического дискурса в плане исследования различных когнитивных феноменов, в том числе предвидения, выглядит крайне перспективным и получает в диссертации четкую аргументацию и развернутое обоснование. Однако требуется более детальный анализ также и критики идеи такого дискурса – со стороны, например, натуралистически настроенных ученых или философии, не желающей терять свою специфику как автономной теоретической дисциплины и превращаться в «методологическую коммуникацию».

Высказанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертации Д.А. Шелудченко. Работа посвящена актуальной и современной тематике, отличается хорошим уровнем анализа, обоснованностью сформулированных положений и выводов, их достоверностью, проработкой большого числа источников. Новизна работы заключается прежде всего в систематизации теоретико-познавательных и прикладных аспектов предвидения на базе концепции конструктивного реализма, что открывает многообещающие перспективы в области как исследования проблемы предвидения, так и совершенствования современных прогностических практик. Основные результаты диссертационного исследования отражены в публикациях, в том числе в ведущих философских журналах, эти статьи, а также автореферат адекватно отражают содержание диссертации.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что содержание диссертации «Философско-методологические основания исследования предвидения в информационном обществе» соответствует специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания, по которой она представлена к защите, и удовлетворяет требованиям пунктов 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842. Автор диссертации Шелудченко Дарья Андреевна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания.

Официальный оппонент  
научный сотрудник сектора теории познания  
Федерального государственного бюджетного  
учреждения науки Института философии  
Российской академии наук,  
кандидат философских наук  
(09.00.01 – Онтология и теория познания)



Софья Владиславовна Пирожкова

Подпись С.В. Пирожковой удостоверяю  
Ученый секретарь Ученого совета  
Института философии РАН

Полина Аслановна Гаджикурбанова

01.06.2017



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии  
Российской академии наук, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.  
Тел.: 8 (495) 697-91-09.  
E-mail: [iph@iph.ras.ru](mailto:iph@iph.ras.ru)  
Сайт: <http://iph.ras.ru/>



Подпись *Пирожковой С.В.*  
ЗАВЕРЯЮ:  
Зав. отделом кадров Института  
философии РАН *П.А. Гаджикурбанова*